

ТИПЫ КАРЬЕРЫ И СПЕЦИФИКА СЛУЖБЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЧИНОВНИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

Юлия Николаевна ПОПОВИЧЕВА, младший научный сотрудник Института истории ДВО РАН. Сфера научных интересов — чиновничество Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в.

На основании анализа личных дел по типу карьеры дальневосточных чиновников можно разделить на несколько групп. В самом низу чиновной иерархии находились канцелярские служители и вольнонаемные писари — «субчиновники», не имевшие чина. Получение первого чина было тем барьером, который канцеляристы должны были преодолеть, чтобы начать карьеру. На пути к первой ступени бюрократической лестницы было два препятствия: срок выслуги и экзамен на чин. Для подавляющего большинства канцеляристов эти препятствия оказывались непреодолимыми.

Короткий срок выслуги для получения чина XIV класса существовал только для дворян (2—4 г.) и лиц, окончивших курс наук в высшем учебном заведении (1 г.). Разночинцам и выходцам из податных сословий, не имевшим высшего и среднего образования, требовалось прослужить 4—8 лет². Сдача экзамена на чин для большинства дворян была простой формальностью, демонстрацией полученных в детстве знаний. Для разночинцев это испытание представляло значительные трудности. Сложнее всего оказывалось преодолеть не юридический и образовательный, а социокультурный барьер.

Сознание выходцев из низов как сельского, так и городского общества было близко к крестьянскому. При поступлении на государственную службу оно подвер-

* Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН № 03-3-Г-11-095.

гальосе мучительной ломке по всем основным параметрам: менялись природное окружение, телесные навыки, ритмы труда и отдыха, образ жизни, санитарно-гигиенические привычки, отношения в семье, происходило включение человека в вертикальные общественные связи, конкурентные отношения...

Для канцелярских служителей реальностью были все отрицательные стороны бюрократического способа жизни без тех привилегий, которые делали привлекательным положение высших чиновников. Канцеляристы не имели преимуществ власти, высокого дохода, престижа. Они чувствовали себя «мелкой сошкой», ощущение неполноценности особенно обострялось в случае, если канцелярист был уже зрелым человеком, отцом семейства. Именно сознание неполноценности, приниженности, маргинальности, тяжелое материальное положение были, видимо, причиной главного порока канцеляристов и низших чиновников — пьянства. Оно же являлось и главным препятствием на пути благополучной карьеры канцеляриста и получения ими начальных чинов.

Типичным примером несостоявшейся карьеры можно считать дело некоего А.Н. Лахина. Он родился в 1861 г. в семье священника, получил среднее образование в ургинской школе переводчиков, 3 августа 1889 г. был из рядовых запаса принят канцеляристом II разряда в канцелярию Приамурского генерал-губернаторства на должность XII класса. Через четыре года он получил первый классный чин XIV класса, еще через 3 года — следующий чин губернского секретаря. Казалось бы, налицо удачное начало карьеры³. Но в 1897 г. Лахин был арестован на улице за буйство в пьяном виде, причем при задержании он нанес городовому «оскорбление действием». По докладу полицмейстера подполковника Куколь-Яснопольского, Лахину было назначено наказание в виде десятидневного бессменного дежурства по канцелярии. 8 июля 1897 г. в 5 часов вечера Лахин явился на службу «пьяным до безобразия» и пытался занять у делопроизводителя 5 рублей. На замечание начальства, что нельзя приходить на службу пьяным, «зЫчно воскликнул: А хочешь я тебе рожу побью?» и выругался по адресу начальства «словами, которые буквально привести, по их крайнему неприличию, неудобно»⁴. По решению и. д. генерал-губернатора А.Н. Лахину, «не начиная дела судебным порядком», было приказано подать в отставку. В деле имеется прошение Лахина об отставке «по домашним обстоятельствам»⁵.

Сравнительно немногие чиновники, благополучно миновав первый этап своей карьеры, должны были обладать такими личными качествами, как трезвость, дисциплинированность, опрятность, грамотность, умение ладить с начальством. В общем карьеру успешно делали люди, которые смогли благополучно адаптироваться к новому образу жизни.

Переход из канцеляристов в классные чиновники на Дальнем Востоке был в некоторых отношениях легче, чем в Европейской России, так как служащих в крае не хватало. Часть канцелярских служителей, не имевших чина, все-таки назначались на классные должности, т. е. на работу, которая была интереснее простой переписки бумаг, лучше оплачивалась и была престижнее.

Получение первых классных чинов коллежского регистратора и губернского секретаря (чины XIV и XII классов) означало, что чиновник вступил на действительную государственную службу, пользуется определенными законом льготами и преимуществами. В то же время в полном объеме эти льготы и преимущества предоставлялись не всем чиновникам, а только приезжим «по назначению от правительства», и только начиная с чина IX класса. Таким образом, низшие чиновники из местных образовывали особый неполноправный слой.

Приезжие чиновники отличались от местных не только в служебном, но и в психологическом отношении, у них были иные ценности. Приезжие были заинтересованы в дальневосточной службе ради ее льгот и преимуществ, в том числе ускоренном чинопроизводстве, возможности получить должность более высокого класса, чем чин. Таким образом, они имели определенный долговременный проект и строили планы не менее, чем на 5—10 лет. В то же время А.Н. Корф и другие высшие приамурские администраторы отмечали, что многие дельные чиновники, которые желали

бы продолжать службу в крае, были вынуждены уезжать, так как им требовалось дать детям полное среднее и высшее образование.

Местные чиновники и канцеляристы были полностью лишены подобных устаноек. Большинство их женились очень рано и через 5—10 лет, иногда еще не получив первого классного чина, уже имели большую семью. Службу они не рассматривали как долговременный процесс, для осуществления которого требуется расчет усилий, ряд определенных шагов, последовательность и терпение. Служба для них была разновидностью поденной работы с помесечной оплатой. Канцеляристам иногда даже не выплачивалось определенное жалованье, а платили содержание «по трудам и заслугам», т. е. на сдельной основе.

В отношении ко времени, таким образом, канцеляристы были похожи на батраков или наемных рабочих. Они жили одним днем, не строя долговременных планов. Многие имели небольшие участки земли в городе и занимались огородничеством, держали коров и других домашних животных. Это сближало их восприятие времени с крестьянским годовым циклом. Не имея больших амбиций по отношению к собственной карьере, мелкие чиновники не особо заботились и о будущей карьере детей, их образовании. И, таким образом, карьера многих канцеляристов и чиновников самых низших рангов заканчивалась, даже не начавшись.

Среди дальневосточных чиновников можно выделить еще одну группу, которая оказалась не в состоянии сделать карьеру в крае. Яркий образ подобных чиновников рисует известный публицист В.М. Дорошевич, который в 1895 г. посетил Сахалин и описал свое путешествие в цикле очерков под общим названием «Сахалин (каторга)»⁶.

Люди, о которых идет речь, были по большей части «неудачники, потерпевшие крушение на всех поприщах, за которые они хватались. Они махнули на все рукой и «махнули» на Сахалин. Поехали, наслушавшись рассказов, что на окраинах не житье, а масленица, мечтали о колоссальных припеках, которые умеют делать тюремные хлебопеки, об огромных экономиях, достигаемых при поставке материалов... Здесь их ждало горькое разочарование. В результате большинство только отбывало свой срок, с нетерпением ожидая, когда пройдут три года обязательной службы и можно будет вернуться с семьей в Россию за казенный счет»⁷.

Для чиновников такого типа, т. е. неудачников, людей, неуверенных в себе, было характерно специфическое сочетание психологических черт, которые реализовывались в их поведении. Можно сказать, что их комплекс неполноценности проявлялся в стремлении к гиперкомпенсации. Прежде всего они стремились увеличить дистанцию между собой — «аристократией» и местными жителями. Местных уроженцев, т. е. сибиряков называли «чалдонами», а себя приезжие именовали «навозными». Этим крайне неудачным термином чиновники хотели подчеркнуть, что в отличие от каторжан, которых «сплавляли» на Сахалин, и местных уроженцев, которые просто приехали, они принадлежат к «российскому навозу» (в смысле «завезенные» «навозные»). В поведении «навозные» стремились нарастить свой статус за счет понижения статуса других. Если говорить о Сахалине, то они требовали, чтобы каторжане издали снимали перед ними шапки, использовали каторжан как даровую прислугу. Именно им каторга «обязана» созданием режима, неотличимого от крепостного права.

Вне Сахалина чиновники этого типа также проявляли общие типичные черты: неспособность к реальному делу, завышенные претензии в сочетании с малой эффективностью, надменность по отношению к низшим и нелюбовь к краю вообще. Интересно, что люди, действительно достойные, способные преодолевать трудности и приносить пользу делу, обычно любили «новый край», считали, что он «достоин лучшей участи», что его ждет большое будущее, с гордостью называли себя «приамурцами» (как когда-то декабристы охотно называли себя «сибиряками»). Неудачники же, от которых краю не было никакой пользы, ненавидели его, называли «тмутараканью», «чертовым местом» и стремились покинуть Дальний Восток как можно скорей. При этом многие руководствовались пустыми иллюзиями: подав прошение о переводе в край, затратив полгода — год на переезд, прослужив кое-как три года, они уезжали, зачастую проклиная край и расплевавшись со всеми знакомыми и началь-

ством. И вдруг, через какое-то время, некоторые из них опять подавали прошение о возвращении на службу в Приамурье!

Была еще на Дальнем Востоке категория служащих, которых сами же местные чиновники называли «амурскими хищниками» и «приморскими фруктами». Названия характерные: это были люди, которые имели волю и способности, но обращали их исключительно на службу собственным эгоистическим интересам. Коррупция, злоупотребление служебным положением — неизбежное свойство бюрократии, присущее видимо, всем странам, временам и режимам. Дальневосточные чиновники не составляли тут исключения. Проблема анализа злоупотреблений в том, что в источниках отражаются, как правило, злоупотребления чиновников, которые были разоблачены, а их авторы отданы под суд. Судить о порядочности чиновников, неразоблаченных, особенно высших лиц администрации, почти невозможно. Редким примером, когда личное дело высшего лица администрации, не осужденного законом, содержит, несмотря на это, обширный компрометирующий его материал, является дело вице-губернатора Приморской области в 1909—1912 гг. В.И. Лодыженского. Дело Лодыженского можно считать особым случаем, казусом, который нарушает нормальное течение государственной службы и позволяет проанализировать скрытые механизмы действия бюрократической машины.

Уже само поступление В.И. Лодыженского на службу в Приамурский край нарушило принятые нормы. Его назначили по высочайшему указу, вопреки желанию приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, который узнал о назначении своего зама из телеграммы министра внутренних дел⁸. Таким образом, еще до приезда Лодыженского в край, между ним и генерал-губернатором наметился конфликт. В.И. Лодыженский имел в придворных кругах мощную поддержку через фрейлину «кузину Лелю», которая устроила ему аудиенцию у императора и назначение на должность вице-губернатора Приморской области, а затем производство в следующий чин коллежского советника, более соответствовавшего его должности, и награждение придворным званием камер-юнкера⁹. Получение Лодыженским чина и придворного звания вне правил, без представления со стороны его непосредственного начальства вызвало резкое возмущение генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, который писал министру внутренних дел, что «служебная деятельность Лодыженского в Приамурском крае не давала и не дает оснований к поощрению его наградами»¹⁰. Таким образом, карьера В.И. Лодыженского нарушала как официальную, писаную субординацию отношений в служебном мире, так и неписаную мораль, которая заключалась в том, что награды должны соответствовать заслугам. Протекция или рекомендация были широко распространены в мире чиновников. Но если рекомендация со стороны бывшего начальника, знающего служебные качества своего подчиненного, считалась доброкачественной, то протекция лиц, подобных «кузине Леле» и «тетушкам», основанная только на личных связях и не имевшая никакого отношения к служебным достоинствам протежируемого, считалась неприемлемой и злокачественной. Следует отметить, что само существование незаконной протекции в русском бюрократическом мире было возможно потому, что рекомендуемый не нес официальной ответственности за свою рекомендацию.

Любовь к роскоши, широкая жизнь не по средствам была особенностью В.И. Лодыженского, которая вела к злоупотреблению служебным положением, наносила огромный ущерб престижу власти. Расточительность вице-губернатора носила настолько скандальный характер, что сведения о ней появлялись как в местной, так и в центральной прессе, причем против Лодыженского ополчились вместе все политические партии: кадеты, черносотенцы, трудовики и т. п.¹¹

Лодыженский отличался также демонстративным пренебрежением к закону и законности. Он вмешивался в работу суда, нагло изымал дела у следователей вопреки запрету прокурора, незаконно арестовывал редакторов газет за критические статьи и т. п.¹² Генерал-губернатор Н.Л. Гондатти писал министру внутренних дел Макакову в апреле 1914 г. «Несмотря на юридическое образование (военно-юридическая академия. — Ю.П.), действия Лодыженского в качестве вице-губернатора Приморской области показывают, как мало он считается с существующими узаконениями

и положениями, причем он не упускает случая подчеркнуть, что не всякие законы для него обязательны, что мне и лично от него приходилось слышать»¹³.

Высокое положение в бюрократическом мире обязывало чиновника если не вести нравственную жизнь, то по крайней мере внешне соблюдать приличия. В.И. Лодыженский об этом совершенно не заботился. Он демонстративно вел разгульную жизнь, ухаживал не только за замужними дамами и девицами легкого поведения, но даже за гимназистками, постоянно давал обильную пищу сплетням¹⁴. Не соблюдала приличий и жена Лодыженского, она «открыто жила с другими» и принимала просителей по благотворительным делам, сидя в ванной¹⁵.

В.И. Лодыженский воплощал собой, так сказать, отрицательный тип чиновника. Примером положительным может служить характеристика, данная генерал-губернатором Н.И. Гродековым вице-губернатору Приморской области (в 1886—1908 гг.) Я.П. Омеляновичу-Павленко. «Отличительные личные качества Я.П.: длительная служба в крае, безукоризненная честность и благожелательность, спокойный и положительный характер, предусмотрительность и самообладание..., способность к самостоятельной административной деятельности...»¹⁶.

В течение всего долгого срока своего вице-губернаторства Я.П. Омелянович-Павленко поддерживал нормальные рабочие отношения с тремя генерал-губернаторами и четырьмя военными губернаторами Приморской области.

Пример Я.П. Омеляновича-Павленко позволяет выявить важную проблему дальневосточной службы: должность вице-губернатора Приморской области была пределом карьеры для гражданского чиновника в крае. В Амурской области должность вице-губернатора отсутствовала до 1897 г. Занимать должность военного губернатора областей имели право только военные генералы. Возможность перевода чиновника с повышением в Европейскую Россию была практически равна нулю. Я.П. Омелянович-Павленко с 1902 по 1908 г. неоднократно рекомендовался на губернаторскую должность во внутренних губерниях России. Причем, судя по многочисленным наградам, правительство не сомневалось в его служебных достоинствах. Но губернаторской должности он так и не получил. Существовал определенный закон «бюрократической энтропии», по которому чиновники из центра могли переводиться в отдаленные регионы с повышением, но обратный путь был невозможен.

Сходная тенденция явно прослеживается и на примере карьеры военных деятелей, которые достигали вершин карьеры в крае, т. е. становились военными губернаторами областей и приамурскими генерал-губернаторами. Вся их служебная деятельность обычно проходила на окраинах империи, в тех местностях, которые назывались «привилегированными». На деле это были отдаленные, окраинные регионы с крайне тяжелыми условиями службы: Кавказ, Туркестан, Приамурье, отчасти Оренбургский край.

Военных администраторов, которые достигали вершин карьеры в Приамурье, можно назвать «строителями империи». Их карьера обычно складывалась из ряда сходных этапов и в ней можно выделить черты, типичные для края и абсолютно нетипичные для российских чиновников в целом. Началом успешной карьеры в отдаленном регионе являлась обычно должность адъютанта или чиновника особых поручений при военном губернаторе или генерал-губернаторе. Эта должность была сопряжена с выполнением сложных, разнообразных, зачастую опасных и, главное, самостоятельных поручений. Например, Николай Дадешкелиани с августа 1886 г. по январь 1887 г. находился в командировке по неисследованным местам тайги от Амура до Аргуни с целью изучения инородцев. Князя сопровождал один казак и проводник тунгус. Н. Дадешкелиани провел съемку местности, сбор сведений о полезных ископаемых и т. п.¹⁷

В августе 1887 г. он сопровождал из Иркутска в Петербург караван с золотом. Ранее он «1) будучи командирован в Корею, ...прошел по всему почти протяжению полуострова и представил затем подробный отчет об этой командировке, напечатанный в сборнике «Материалы по Азии», изданном главным штабом военного министерства; 2) был личным секретарем во время собранного мною (А.Н. Корфом. — Ю.П.) в 1886 г. в Хабаровске съезда сведущих людей, причем немало содействовал составлению выводов из того, что обсуждалось на этом съезде; 3) в течение месяцев

исправлял должность заседателя Хабаровского окружного суда; ...5) был командирован в Забайкальскую область для предоставления сведений о положении в ней почтовых сообщений вообще и состоянии почтовых станций, в частности по тракту между р. Шилкою и оз. Байкалом, что и выполнено им вполне успешно»¹⁸. Н. Дадешкелиани не сделал карьеры в крае, он уволился в отставку и его дальнейшая судьба неизвестна. Но подобное начало карьеры было типично для многих высших администраторов края. Губернаторы-муравьевцы Н.В. Буссе, И.К. Педашенко и др. начинали службу в качестве ординарцев, адъютантов и чиновников для особых поручений при Н.Н. Муравьеве-Амурском, участвовали в первых амурских сплавах, выполняли опасные и ответственные поручения. Губернаторы более позднего времени в основном тоже шли подобным путем. Так, И.Г. Баранов начал службу в Амурском крае в 1864 г., кроме военного управления занимался бытом крестьян-переселенцев, во время отсутствия А.Н. Корфа два года исполнял должность генерал-губернатора, в то же время будучи военным губернатором Приморской области (в 1881—1886 гг.)¹⁹. В.Д. Мерказин — начальник о-ва Сахалин в 1893—1898 гг. — начал службу в крае в 1865 г. адъютантом генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова. Всего прослужил в Восточной Сибири 33 года, с 1871 г. — в Забайкалье. Интересно, что в 1897 г. В.Д. Мерказин также просил С.М. Духовского о содействии «перемещению губернатором в Европейскую Россию». Дело закончилось выходом в отставку с производством в следующий чин²⁰.

Генерал-губернаторство в Приамурье могло быть заключительным этапом службы, как у А.Н. Корфа, который до назначения на эту должность был командующим 13-й пехотной дивизией. Но более типичными были карьеры С.М. Духовского, который до назначения на должность приамурского генерал-губернатора служил 17 лет на Кавказе, а затем отправился в Туркестан после окончания 5-летнего срока²¹ и Н.И. Гродекова, вся служба которого до назначения приамурским генерал-губернатором проходила в Туркестане.

Николая Ивановича Гродекова можно считать «идеальным типом» приамурского генерал-губернатора, воплощением общих всем «строителям империи» качеств в очень ярком их сочетании.

Н.И. Гродеков родился 22 сентября 1843 г. в семье бедного офицера в г. Елисаветграде (Кировограде). Учился в Александрийском сиротском кадетском корпусе, затем в Константиновском военном училище. В 1863 г. поступил в лейб-гвардии гренадерский полк, где занимался самообразованием. В 1864—1868 гг. окончил Академию Генерального штаба, где учился вместе с М.Д. Скобелевым. С 1869 г. — на Кубани. В 1870—1876 гг. служил на Кавказе, был награжден орденом св. Станислава и золотым оружием. С 1876 г. — в Туркестане, под руководством М.Д. Скобелева. Был награжден орденом Георгия IV степени и получил чин полковника. Изучил узбекский, киргизский, туркменский и таджикский языки, публиковал научные статьи в «Русском инвалиде», «Новом времени» и «Военном сборнике». В 1879 г. издал военно-этнографический труд «Через Афганистан»²².

В 1883—1893 гг. — военный губернатор Сырдарьинской области. Отработав не один, а два срока в труднейших условиях, Н.И. Гродеков заслужил, что его управление было признано «талантливым и образцовым, что было очень важным в национальной политике»²³.

В 1893 г. Н.И. Гродеков приехал в Приамурье, где был назначен помощником С.М. Духовского, а в 1898 г. — приамурским генерал-губернатором. В 1902 г. Н.И. Гродеков был отозван в Петербург, там на короткий срок стал членом Государственного совета. Уже в 1906 г. Н.И. Гродеков был назначен командующим всеми сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке, где ему пришлось организовывать отъезд в Европейскую Россию разочарованного офицерства и озлобленной солдатской массы²⁴.

В 1907 г. генерал-от-инфантерии Н.И. Гродеков был назначен на пост туркестанского генерал-губернатора, но через год был вынужден оставить должность из-за болезни, вернулся в Петербург, где умер в 1913 г.²⁵

На протяжении всей жизни Н.И. Гродеков занимался наукой, особенно этнографией, был главой Приамурского отделения ИРГО, причем не формально, а реально

и даже «сам составил 702 каталожные карточки» в библиотеке Общества. На собственные средства он основал в Хабаровске картинную галерею, куда пожертвовал 15 картин и 6 гипсовых слепков. После своей смерти Н.И. Гродеков завещал Хабаровску все собственные этнографические коллекции, богатейшую библиотеку, 14 тыс. руб. в ценных бумагах и наградную шпагу «За храбрость» с бриллиантами²⁶.

Таким образом, дальневосточная карьера имела свою специфику. В крае всегда были вакансии на должности нижних и средних классов, которые заполнялись приезжими из России. Но далеко не каждый чиновник мог успешно продолжать службу в сложных дальневосточных условиях. Верхние же «этажи» бюрократической лестницы для гражданских чиновников оказывались практически недоступными, так как пределом продвижения чиновников внутри края была должность вице-губернатора Приморской области (к тому же с 1886 по 1908 г. занята одним человеком). Перевод чиновников из Европейской России в край сразу на высшие административные должности снижал шансы местных чиновников, а перевод с повышением из Приамурья в Россию не практиковался.

Занять высшие места в администрации края могли только военные генералы. Типичная карьера высшего военного администратора в регионе имела характерные черты: длительный срок службы в крае или другой отдаленной окраине; выполнение сложных, опасных и самостоятельных поручений; опыт боевой, дипломатической и административной службы среди нерусских народов России; интерес к науке, особое отношение к солдатам в духе Суворова и Скобелева. Почти обязательным этапом в успешной карьере военного было прохождение через этап службы в должности ординарца, адъютанта, чиновника особых поручений при администраторе высшего ранга в одной из «привилегированных» местностей.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН № 03-3-Г-11-095

² Архипова Т.Т., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII—XX в. М., 2001, С. 105—106.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2200. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 30—31.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ Дорошевич В.М. Сахалин (каторга). Ч. 1—3. М., 1903. Переиздание: Дорошевич В.М. Сахалин (каторга). Ч. 1—3. М.: «Захаров», 2001.

⁷ Дорошевич В.М. Указ. соч. М., 2001. Ч. 1. С. 173—174.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2205. Л. 2.

⁹ Там же. 110.

¹⁰ Там же, Л. 60.

¹¹ «День». 2 августа 1913. № 113; «День». 21 февраля 1914. № 50; «Русское слово». 4 июля 1914. № 127. «Сусанин» (орган благовещенского отделения Союза русского народа). 19 июня 1914 г. № 1454. и др.

¹² Там же. Л. 115.

¹³ Там же. Л. 60.

¹⁴ Там же. Л. 114, 115.

¹⁵ Там же. Л. 116.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2232. Л. 17 об.

¹⁷ Ф. 702. Оп. 1. Д. 2156. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 28.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 2109. Л. 4.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2214. Л. 1—97.

²¹ Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане. Хабаровск, 1991. С. 62.

²² Там же. С. 73.

²³ Там же. С. 76.

²⁴ Там же. С. 83.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 84.

Summary: Junior scientific worker of the Institute of History Yulia Popovicheva called her article as «The Types of Careers and the Specific Character of the Service of Far Eastern officials of Russia in the second part of the XIXth century». In the article there is shown little known ways of career progress for officials, there is described their morals, and relationships in these spheres of life. The author tells about the specific character of career progress for officials in the Far East of Russia.